

10 dec. 1975
Молодой Давыдов с огромным интересом

ПРЕДСТАВИМ... В театр (в данном случае — в детский театр) назначен новый главный режиссер. Он не спешит с постановкой собственного спектакля (все еще впереди!) и знакомится с театром, в котором ему предстоит работать. Смотрит спектакли, беседует с актерами, думает о репертуарном плане. В общем, ведет себя деликатно и сдержанно. Актеры теряются в догадках: «Что бы все это значило? Уже пора высказать свое мнение...» На конец такой день настает. Новый главный режиссер собирает труппу и произносит речь: «Дорогие друзья! Должен вас обрадовать. Я доволен. Именно о таком театре я и мечтал. Мне нравятся все, решительно все — репертуар, профессионализм актеров, режиссура, постановочная часть и главное — направление театра. Так что не волнуйтесь! Будем работать мирно, без конфликтов! Все спектакли останутся в репертуаре (так же, как и пьесы, рекомендованные для постановки); актеры могут спокойно работать — к ним у меня решительно никаких претензий. Считайте, что я органично влился в ваш коллектив!»

Возможно, такое и случается. Не знаю! Я хочу познакомиться читателя с главным режиссером, который с первой же встречи повел себя иначе.

ГОД назад Театр юного зрителя Эстонской ССР остался без главного режиссера. На эту весьма непростую должность пригласили Калью Комиссарова.

Человек увлекающийся, неожиданный, с ярко выраженной индивидуальностью, такой нужен для того, чтобы создать в театре атмосферу творческой молодости, современности. Но был в этом назначении и определенный риск. Калью Комиссаров несколько лет работал в кино и на телевидении — актером и режиссе-

НАЧАЛО

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ

ром. Театр он знал меньше. А коллектив, в который он пришел, отличался высоким мастерством актеров, требовательностью к выбору драматургии, своеобразным решением каждого спектакля. В театре, помимо детских спектаклей, шли пьесы Чехова, Ибсена, Ануя. Здесь ставили спектакли такие талантливые режиссеры, как Вольдемар Пансо, А. Я. Шапиро.

Правда, последние годы театр лихорадило: сменялись главные режиссеры, не было своего помещения. Играть приходилось в арендованном Дворце культуры на окраине города. И хотя зал никогда не пустовал, актеры не могли сказать: «Это мой театр». Во Дворце культуры спектакли шли два-три раза в неделю, в остальные дни театр выезжал в районы. Актеры уставали, домой возвращались за полночь, на репетицию приходили, не успев отдохнуть.

И все-таки не это больше всего тревожило нового главного режиссера. Он знал, помещение будет, пусть не в этом году — в следующем, но будет, обязательно будет! Опасность он усмотрел в другом. Ему показалось, что коллектив театра, боясь наскучить зрителю, делает все возможное, чтобы спектакли шли весело и занятно.

Калью Комиссарову излишняя сдержанность и суровость решения никогда не казались приятательными качествами. Особенно, если спектакль ставится для подростков, молодежи. И все-таки...

Не слишком ли увлекаются в театре музыкальными спектаклями? Актеры танцевали и пели в «Томе Сойере» по Марку Твену, в мюзикле «Белеет парус одинокий» В. Катаева, в спектакле «О любовь, ты нежная, сладкий мед...» Каарела Кильвета. Эту работу театра новый режиссер решительно не принял. Он никак не мог понять, ради чего поставлен спектакль.

СВОЙ ВЫБОР Калью Комиссаров остановил на кино-сценарии «Нюрнбергский процесс». А. Мана (привязанность кино сказала и на этот раз). Но главным было другое: режиссер хотел сказать своим первым спектаклем о том, что его больше всего волновало и тревожило. Он мечтал разбудить в каждом зрителе чувство причастности к тому, что происходит сегодня в мире, завесить прежде всего тех зрителей, которые привыкли обходиться без книг, без театра. Он видел этих ребят в подъездах — с гитарами и без них, но почти всегда с равнодушным и сонным выражением лиц, и ему хотелось согнать это выражение.

«Процесс» — острый, публицистический спектакль, взволнованный и волнующий, протест против отгороженности от жизни, призыв к ответственности за мир и справедливость на земле.

...Идет суд над преступниками гитлеровского рейха. Обвиняемые ведут себя по-разному. Одни беззащитно оправдывают войну, фашизм и агрессию, другие ссылаются на свою неосведомлен-

ность о зверствах, которые творились «где-то там...». Третьи уверяли, что их насильно вовлекли в войну — разве может маленький человек иметь собственное мнение?

Зрители сидели, затаив дыхание, боясь пропустить хоть слово. Может быть, еще и потому нравился им спектакль, что в нем не было и капли нравоучительности? Калью Комиссаров знал — какой бы важной и значительной ни была мысль спектакля, она должна быть облечена в форму доходчивую и яркую.

Еще перед началом спектакля, когда в зал входили первые зрители, на сцене неторопливо, по одному, стали появляться музыканты. Им было столько же лет, сколько и зрителям — двадцать, может быть, чуть больше. Музыканты старательно настраивали инструменты. Но в тот момент, когда в зале установилась тишина, из глубины сцены вышел юноша в алом хитоне и, держа в руке микрофон, страстно запел о справедливости, единении людей, о необходимости чувствовать локоть друг друга. Певец-комментатор приблизился к решетке, которая отделяла зрительный зал от сцены. А на решетке повисли искаленные куклы — их отобрали у детей, которых вели умирать.

Так начался спектакль «Процесс». У персонажей этого спектакля нет нарицательных имен. В списке действующих лиц значатся комментаторы, адвокаты, обвинители, свидетели, подсуди-

мые. Цвет одежды у персонажей разный: черный, белый, красный, зеленый, сиреневый. И в первых сценах только цвет хитонов помогает отличать нам одного от другого. Но только в первых сценах.

Режиссер спектакля заставит нас вспомнить и восстановить в действии многие события истории. Это будут жестокие и откровенные эпизоды о людях, которые позволили себе думать и поступать иначе, чем требовала официальная нацистская власть в Германии, и были за это наказаны. А затем в глубине сцены, на большом экране, возникает лицо Гитлера, и его сладкая улыбка, обращенная к детям, покажется почти искренней. Но лишь в первый момент. Потому что тут же эти кинокадры сменяют другие — кадры детей, которых ведут умирать.

КАЛЬЮ Комиссаров — суровый режиссер, он не терпит сентиментальности, ему чужда камерность. Мизансцены спектакля динамичны и выразительны, а столкновения персонажей бескомпромиссны. Да и возможно ли примирение между теми, кто обвиняет, и теми, кого обвиняют? Обнаженный по мысли спектакль «Процесс» глубоко эмоционален. В нем пульсирует сердце актеров, в нем звучит вдохновенная мысль режиссера и заставляет зрителя задуматься: а как я живу? Где мое место в этом мире, в той борьбе, которая шла и продолжается на земле? А если спектакль ставит перед нами такие вопросы, то что может быть ценнее? И какая награда для режиссера и актеров театра может быть выше? Да, пожалуй, никакая другая — так считает режиссер Калью Комиссаров.

А. ЗЕМНОВА.

Пресс-бюро «Комсомольской правды».